

Ван Лаосань привёл их в городской игорный дом. Чу Ханьюэ прежде не бывал в подобных местах — его сразу передёрнуло от смога и гомона, стоявших там коромыслом. Он велел Ван Лаосаню вытащить Чжан Тяня наружу. Рука Ван Лаосаня всё продолжала таять, и послушаться он не посмел: зажав её, стремглав бросился внутрь и выволок Чжан Тяня на улицу.

К тому времени как Чжан Тянь вышел, рука Ван Лаосаня исчезла целиком — до самого запястья, без единой царапины, без кровинки, словно так и было от рождения. Видя, что боль утихла и золотая пыль больше не прибывает, просить Чу Ханьюэ о восстановлении он не осмелился — согнулся чуть не вдвое и бросился наутёк.

Чжан Тянь не спал несколько ночей кряду: тело обмякшее, лицо бескровное, под глазами залежи тьмы. Выглядел так, будто дух из него выпили досуха, — хуже покойника. Чу Ханьюэ он не знал, но одеяние горы Юньцзянь признал сразу.

— Чем обязан Бессмертному господину?

— Сяо Чжоу тебе знакома? — без предисловий спросил Чу Ханьюэ.

При одном этом имени лицо Чжан Тяня смялось. Он было открыл рот, чтобы отречься, — но вспомнил руку Ван Лаосаня и осёкся.

— Знакома. Родители не могли прокормить её, попросили меня пристроить в город. Она живёт хорошо?

— Она мертва. — Цинь Фэн искренне удивился. — Об этой истории весь город говорит. Неужели не слышал?

— Что? Как она могла умереть? — Потрясение на лице Чжан Тяня казалось искренним. — С тех пор как пристроил её в Терем Ветра и Луны, сидел в игорном доме безвылазно. Правда не знал. Жалко.

— Это расскажешь ей сам. — Чу Ханьюэ метнул взгляд на Цинь Фэна. — Веди его.

Чжан Тянь попятился.

— Бессмертный господин, что вы задумали?

— Словам твоим нет веры, — пояснил Цинь Фэн. — Учитель велит тебе стать лицом к лицу с Сяо Чжоу. Прошу прощения. — Он хлопнул по спине Чжан Тяня ладонью, и тот вдруг выпрямился без своей воли — тело одеревенело и послушно побрело следом.

Чу Ханьюэ скользнул по нему взглядом.

— Разве так я учил тебя обращаться с этим талисманом?

— Вы учили меня управлять зомби, — Цинь Фэн подлез ближе с примирительной улыбкой. — А этот ничем от покойника не отличается: ни живого духа. Думаю, ничего зазорного.

Чу Ханьюэ не стал его отчитывать. Напротив, сказал:

— Соображение у тебя острое. Обычный человек не смог бы удержать живого этим талисманом.

Чжан Тянь брёл рядом, лишённый власти над собственным телом, с запечатанными устами — и был вынужден слышать, как его сравнивают с нежитью. Почти в обмороке добрался он до Терема Ветра и Луны.

Завидев возвращение Чу Ханьюэ, работники Терема мигом попрятались — невольно вспомнив участь Ван Лаосаня. Чу Ханьюэ не обратил на них внимания и повёл всех напрямиком на задний двор.

У двери, за которой была заперта Сяо Чжоу, Цинь Фэн чуть шевельнул пальцами, беззвучно произнёс заклинание — и Чжан Тянь ощутил, как печать у него за спиной налилась тысячефунтовой тяжестью и опустила его на колени.

— Барышня Сяо Чжоу! — позвал Цинь Фэн в глубину комнаты. — Твоя обида — из-за этого человека? Это Чжан Тянь, его привёл мой учитель. Бей, кляни — всё в твоей воле, лишь бы горечь нашла выход.

Он обернулся к Чу Ханьюэ. Тот молчал, нахмурившись, не сводя глаз с Чжан Тяня.

Тот дрожал как в лихорадке — штаны уже промокли. Он слышал, что в Тереме завелась нечисть, но не подозревал, что призрак — это Сяо Чжоу. Уста его вновь обрели голос, и он принялся молить Чу Ханьюэ:

— Бессмертный господин, ей нельзя верить — она призрак! Убейте её, пока не навредила!

Из-за двери раздался перезвон цепей — тяжёлый, мерный, — следом нечеловеческий вой. Среди белого дня по ногам потянуло ледяным холодом.

— Ты не знал, что она немая? — Цинь Фэн присел на корточки рядом с Чжан Тянем. Боясь, что тот скончается от ужаса прямо сейчас, приклеил на его лицо поддерживающий талисман. — Она ничего не сказала. Правду придётся говорить тебе. Жить или нет — зависит только от

твоего отношения.

Чжан Тянь решил, что Чу Ханьюэ вступится за него, и заторопился:

— Да, это я её сюда привёл. Но не продай я её — родители выдали бы её за деревенского калеку под шестьдесят. И сама просила привезти её в город!

Из комнаты снова загрохотали цепи — на этот раз так, что уши заложило.

Чу Ханьюэ смотрел внутрь, и тут Цинь Фэн поймал его за уши обеими ладонями.

— Учитель, берегите слух.

— Занимайся собой. — Чу Ханьюэ прикрыл Цинь Фэна собой. — Отступи, выйди.

Цинь Фэн не успел ответить: изнутри ударило — и мощный порыв мертвящего ветра разнёс дверь на куски.

Вслед за шквалом пошли волны слабее, подняв тучу пыли. Чу Ханьюэ прикрыл лицо, другой рукой оберегая Цинь Фэна, сделал несколько шагов назад и вскинул ладонь — перед ними встало золотое полотно барьера.

Цинь Фэн тоже зажал нос и рот, кивнув в сторону Чжан Тяня:

— Его бросаем?

— Я говорил: плохих людей мы не спасаем. Что она захочет — то и будет. — Слова звучали ровно, но взгляд Чу Ханьюэ не отрывался от проёма: если призрак потеряет себя — придётся уничтожить.

Призрак вышел на свет — шаг за шагом, волоча тяжёлые цепи. Голова опущена, волосы завесой закрывают лицо. Фигура совсем маленькая.

Потом она подняла голову.

Им открылось лицо — детское, лет тринадцати-четырнадцати. Ни следа верёвки на шее. Не давленница.

Талисманы с Чжан Тяня давно сдуло ветром, но он по-прежнему не двигался — теперь его держал собственный ужас.

— Сестрица, я виноват, во всём виноват, прости меня! — орал он. — Бессмертный господин, спасите!

Призрак шагнул к нему, опустился на корточки и пальцем вывел на земле:

«Ты?»

Чжан Тянь закивал:

— Я, я.

Она написала ещё:

«Ты обманул меня. Ты говорил, что везёшь меня на ярмарку».

Чжан Тянь задрожал, тычась лбом в землю:

— Я обманул тебя, признаю. Но выбора не было — долги. А она сама хотела в город! Ты у нас такая добрая: на Новый год кур резать не могла смотреть. Неужели убьёшь меня?

На земле появились новые слова:

«Я прощаю тебя. Поднимись».

— Правда?! — Чжан Тянь рванулся вверх, но ноги не держали, и он шлёпнулся обратно. Прямо тут взгляд его упал на следующую строку:

«Это прощение — я возьму твоей жизнью».

Он не успел даже осмыслить. Призрак вскинул руку — и полоса крови рассекла воздух.

Цинь Фэн невольно отшатнулся. Он сам не испытывал подобного, но одного взгляда на Чжан Тяня — катавшегося по земле с воплями, зажимая рану, — хватило, чтобы у него самого похолодело внутри.

Заметив, что призрак движется в их сторону, Цинь Фэн рефлекторно шагнул вперёд, заслоняя Чу Ханьюэ, — но прежде чем успел что-то сделать, оказался за его спиной.

Призрак была маленькой: ей приходилось запрокидывать голову, чтобы смотреть на Чу Ханьюэ. Стоя вот так, она подняла взгляд — и они разглядели её лицо: совсем детское, тринадцати-

четырнадцать лет, не больше. На шее — ни единого следа.

Капли крови с её пальцев начали одна за другой всплывать в воздух, выстраиваясь в строки. Когда крови не хватило — она подошла к Чжан Тяню и добрала.

Чу Ханьюэ читал плывущие перед ним слова. Постепенно складывалась картина.

Два года назад родители Сяо Чжоу подобрали у ворот избитого Чжан Тяня — тот говорил, что попал к разбойникам и лишился всего. Они выходили его, отдали пустой соседний дом, звали к столу. Однажды он спросил, хочет ли она на ярмарку в город. Она хотела, но побоялась, что родители не отпустят, и отказала. Тогда Чжан Тянь оглушил её. По дороге он...

В Тереме Ветра и Луны старая Лаобао нашла её хорошенькой и взяла. Но скоро поняла: товар не тот — и к тому же немая. Её гоняли без отдыха, не кормили. Умерла ли от усталости или от голода — она сама не знала.

Чу Ханьюэ не мог читать дальше. Добравшись до последних строк, он вонзил меч в Чжан Тяня снова.

Девочка вздрогнула от неожиданности. Помедлив, отвесила ему поклон и написала: она просит Бессмертного господина доставить её останки родителям. В этой жизни нечем отблагодарить — в следующей придёт волом или лошадь. Следом вывела адрес дома и имена матери с отцом.

Закончив, она подняла лицо к Чу Ханьюэ и улыбнулась — мелькнул клык, маленький и аккуратный, — после чего попятилась в тень и растаяла. Накопившаяся в воздухе обида развеялась следом за ветром.

— Она ушла? — Цинь Фэн поспешил за Чу Ханьюэ. — Может, найдём хорошее место и похороним её сами?

— Словам Чжан Тяня нет веры. — В голосе Чу Ханьюэ, обычно ровном и бесстрастном, сегодня прорывалась сдержанная ярость. — Деревенские дети, как правило, не умеют ни читать, ни писать. А уж дать девочке грамоту — значит считать её великой ценностью.

Цинь Фэн кивнул:

— Учитель замечает то, что другим не видно. Этот Чжан Тянь — мерзавец. Чужое сокровище так истоптать! Если у меня когда-нибудь будут дети и кто-то посмеет так с ними поступить — не то что искалечу, душу по ветру развею.

Чу Ханьюэ сам не заметил, как рука его легла на живот. Двойня — мальчик и девочка. Дочка. Отвращение поднималось в нём горячей волной.

Он боялся рожать. Хотел бы носить их в себе вечно.

Тем временем они поднялись на второй этаж. Весь Терем — девушки, слуги, служки, сама Лаобао — скучился в одной комнате. Увидев Чу Ханьюэ с окровавленным мечом, никто не посмел издать ни звука.

— Она ушла. — Чу Ханьюэ подошёл к Лаобао. Во взгляде его было открытое презрение. — Где останки Сяо Чжоу? Я заберу их и отвезу родителям.

— Это... — Лаобао замялась, трясась и прячась за чужими спинами. Чу Ханьюэ метнул в неё взгляд, и она выдавила: — Продали.

— Продали? — Чу Ханьюэ выговорил это сквозь зубы.

— Недавно один состоятельный человек купил для призрачного брака. Уже погребена. Не успели...

Чу Ханьюэ поднял окровавленный клинок и кончиком приподнял её подбородок. В глазах его не было ничего, кроме холодной беспощадности.

— Раскопайте.

<http://bllate.org/book/17570/1663346>